Михаэль Габель

«В случае с богословием у нас три участника: государство, церкви и богословие как наука...»

Беседа с деканом католического богословского факультета Эрфуртского университета

Michael Gabel

"In the case of theology we have three actors: state, church and theology as a science..."

Michael Gabel — Catholic Theological Faculty, University of Erfurt (Germany). michael.gabel@uni-erfurt.de

Dr. Gabel starts his interview with a story of Catholic theological education in GDR, and then moves to the current state of theology in German universities. He emphasizes the fact that while the state finances theological departments, they are only subject to academic community. He then shows the mechanism of coordination of the requirements between the Catholic Church and the relevant State agencies. The State recognizes theology as a scientific discipline according to the 2010 decision of the German Council of Science and Humanities. Dr. Gabel draws basic characteristics of theology as a free academic discipline and then discusses the phenomenon of the so called Fakultätentag *and the work of AKAST — a special state-church agency managing the accreditation and quality of theological disciplines, which Dr. Gabel heads since 2014.*

Keywords: theology, science, university, academic liberty, Church and State, State-Church law, Fakultättentag, AKAST.

Как вы пришли в богословие? Вы ведь выросли в ГДР...

Михаэль Габель: Я пришел в богословие через тезисы марксизма-ленинизма, которые я считал ложными. Мне нужна была ясность, особенно в том, что касается вопроса о соотношении веры и естественных наук. Ответ, который предлагали коммунисты — либо вера, либо наука, — меня не удовлетворял.

Габель М. «В случае с богословием у нас три участника: государство, церкви и богословие как наука...» (интервью) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 3. С. 266-284.

Gabel, Michael (2016) "In the case of theology we have three actors: state, church and theology as a science..." (interview), *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 34(3): 266-284.

У вас в школе были уроки религии?

Нет. Уроки религии были только при приходе, но преподававший нам священник начинал каждый урок с вопроса, у кого какие были нападки на веру и церковь в школе. И мы учились отвечать на подобные нападки, так что это были настоящие уроки апологетики. Это было страшно интересно.

И вы решили изучать богословие?

В ГДР для молодых людей, желавших стать священниками, было единственное место: Высшая философско-богословская школа в Эрфурте. Я решил туда поступить и не жалею об этом.

То есть вы изучали богословие в университете?

Нет, Высшая философско-богословская школа не признавалась государством и не входила в список высших учебных заведений ГДР. И академических степеней, которые там присваивались, официально не существовало. Однако в отношении этой школы царил своего рода *modus vivendi* практического характера: местные государственные учреждения поздравляли наших профессоров с днем рождения, и даже в удостоверение личности власти мне вписали степень доктора[1]. То есть просто делали такие вещи, которые не имели правовой основы. Государственное признание эта школа получила только после мирной революции 1989 года, где-то в июне 1990-го. К тому времени Высшая школа существовала уже почти сорок лет и подготовила почти тысячу священников.

Получается, что в ГДР у протестантов были свои богословские факультеты при университетах, а у католиков нет?

У евангелических церквей было и то и другое: государственные факультеты, существовавшие уже несколько веков, и высшие церковные школы, не признаваемые государством, как наша. С эти-

1. В Германии признанная государством докторская степень заносится в удостоверение личности и становится фактически частью фамилии ее носителя.

ми последними мы поддерживали тесные отношения. Студенты-протестанты приезжали к нам учиться, например, на семестр. Между католическими и евангелическими профессорами шло активное общение (это не касалось государственных факультетов, так как не было ясности, в какой мере они находятся под влиянием коммунистической идеологии). Поэтому положение церковного высшего учебного заведения, не признаваемого государством, мне хорошо известно. Будучи предоставлена самой себе, такая школа не имеет возможности находиться в живом общении с другими науками и их учреждениями, а это значит, что такие школы варятся в собственном соку. С другой стороны, подобная изоляция привела к тому, что у нас преподавался традиционный для Западной Европы образовательный канон, так что мы не попали в упряжку марксизма-ленинизма.

Что значит «традиционный образовательный канон»?

Он включает в себя полный набор источников греческой и латинской философии, а также полный набор богословских наук. Было целым приключением провозить в Восточную Германию публиковавшиеся на Западе богословские книги, содержавшие материалы по церковному Преданию и источникам веры. То есть мы стремились к тому, чтобы сделать свое образование таким же, каким оно было на Западе, несмотря на то, что были чисто церковным учреждением, лишенным живого общения даже с Римом. Этот опыт сослужил мне хорошую службу уже в объединенной Германии. В 2009–2010 гг. в Совете по науке — совещательном органе, состоящем из ученых и политиков и занимающимся вопросами государственного образования на высшем уровне — велась дискуссия о том, есть ли место богословию в университете и не лучше ли было бы заниматься им в стенах церкви. И тогда я смог продемонстрировать, что богословие обеднеет, если будет лишено живого общения с другими науками. Более того, если у богословия не будет критически настроенного собеседника, оно подвергнется опасности идеологического сужения. Если вы хотите, чтобы богословие оставалось критически мыслящим — по отношению к себе и по отношению к другим наукам, оно должно присутствовать в университете.

А почему государство должно этого хотеть? Что университетское богословие дает государству?

Формулировку «университетское богословие» я не приемлю. Вопрос состоит в том, какая польза государству, если богословие изучается в университете, а не где-то еще.

Не противоречит ли подобная постановка вопроса светскому характеру университета?

Противопоставлять государство и образование, с одной стороны, и богословие и религию — с другой, это ложная альтернатива, которая предполагает, что богословие в университете и религия в школе не вносят своего вклада в образование и даже, наоборот, подвергают его опасности. Это неверно! Начнем с того, что у государства нет монополии на образование, потому что, говоря философски, образование многомерно. Оно включает в себя — наряду с техническим, естественнонаучным образованием — и культурно-духовное, в том числе религиозно-богословское, образование. О многомерности образования настойчиво говорили такие философы, как Макс Шелер, а много позже — Юрген Хабермас. Против отказа от многомерности образования в пользу чисто естественнонаучного и технического образования выступала и франкфуртская марксистская школа. Такой отказ означал бы обеднение образования как такового.

Здесь могут быть два варианта. Согласно одной позиции, религиозное образование подвергает опасности образование как таковое, и потому ее сторонники стремятся отменить или даже совсем уничтожить религиозное образование. Согласно другой, менее радикальной, позиции, религиозное образование надо по меньшей мере держать подальше от общественного образования, поскольку религия есть «частное дело». По этому вопросу нужно вести принципиальные дискуссии. Если образование многомерно, тогда у него есть и религиозная составляющая. Немецкое государство — в кровавом, болезненном процессе, тянувшемся веками — вполне осознало, что у него не может быть монополии на образование.

Но у государства есть монополия на финансирование государственного образования.

Почему государству следует финансировать религиозное образование — это отдельный вопрос. Но государство осознало, что религию нельзя предоставлять саму себе. Это осознание наступило во время Тридцатилетней войны, и оно только укрепилось во времена Веймарской республики, а после Второй мировой войны — у западнонемецкого государства. Одновременно государство осознало и то, что оно не может заниматься религиозным образованием, и поэтому это образование должно находиться в сфере ответственности самих церквей. Немецкая версия состоит в том, что государство проявляет свою заинтересованность в религиозном образовании не через его организацию, а посредством освобождения пространства для того, чтобы сами религиозные институции им занимались. Кроме того, оно создает условия для этого — в том числе путем финансирования.

Если образование многомерно и религиозная компонента — неотъемлемая часть образования, то тогда физики, медики и другие — все должны получать какое-то минимальное богословское образование. Но этого же нет в Германии...

Этого нет. Но они могли бы начать интересоваться подобными вопросами. Ибо университет — это *universitas litterarum*, то есть место, в котором люди совместно занимаются науками. Я бы не взял на себя смелость, будучи богословом, заниматься физикой. И поэтому я не хочу, чтобы физик занимался богословием. Но мы можем находиться под одной крышей и вместе заниматься наукой. Каждый — своей.

Разные факультеты просто сосуществуют в университете, а сообщество, сотрудничество, диалог наук — это дело профессоров. Такое сотрудничество происходит, например, в области этики. Медики уже поняли, что недостаточно технических знаний в области конкретных способов лечения, но нужно также учитывать, как то или иное медицинское действие соотносится с человеческим достоинством. А это уже не медицинский, а этический вопрос. И так становится очевидным, что философско-этическое и религиозное измерения образования совершенно необходимы,

потому что технические науки сами по себе не могут решать этические вопросы. При этом обязательным условием должен быть свободный обмен мнениями, научная дискуссия, не испытывающая никакого давления со стороны каких-либо институций.

Университет — это правильное место для богословия также и в смысле религиозного образования. Когда в Германии шла дискуссия о богословии в университете, о которой я упоминал выше, ее исход был неясен. Но потом был осознан еще один фактор, который в настоящее время более чем актуален: мусульмане и их подход к религии. Стало понятно, что на чисто политическом уровне вопрос о мусульманском присутствии не решить. И тогда вспомнили, как дело было с христианским богословием, и стали этот опыт применять в отношении мусульман и их религиозного образования.

Значит, государство, допуская богословие в университет, как бы держит его в узде, чтобы оно не накапливало политически опасного потенциала, если его предоставить самому себе?

Нет, это слишком просто. Здесь нужно поговорить об отношениях государства и университета. Ведь это не государство создает университет и занимается им. Государство финансирует университет, который создается и держится самим научным сообществом. То же самое касается церквей и церковных высших учебных заведений. Если мы говорим о богословии как науке, тогда надо предоставить богословам как ученым возможность заниматься своим делом. Ведь не государство занимается физикой, а физики, для которых государство должно создать организационные рамки. И это касается всех наук. Конечно, здесь существует известное напряжение, но оно имеет место между любой наукой и теми организационными рамками, которые задает государство.

Университет есть нечто самостоятельное, автономное, то есть самоуправляющееся учреждение. В Средние века он был свободен от государственных предписаний, в чем и заключалась сама идея университета. Это изменилось в Новое время, в частности, после Реформации. И теперь речь идет об очень хрупком сосуществовании всех участников процесса. В случае с богословием у нас три участника: государство, церкви и богословие как наука. В других областях — физика, химия и проч. — также три или даже

четыре участника: государство, сама наука, отчасти церкви (там, где речь идет об этических вопросах) и экономика. Наука свободна настолько, насколько свободной она себя делает. Но при этом она постоянно чувствует, что у всех есть свои интересы и все пытаются на что-то повлиять.

А как церковь понимает свою роль на богословском факультете? Вы, например, — священник.

Это не играет роли.

Но это не может не играть роли... У вас же есть обязательства по отношению к церкви?

Подобные обязательства есть у каждого богослова, а именно — по отношению к источникам веры. Совет по науке в своем документе 2010 г. обозначил, что богословие — такая же наука, как все остальные, и потому оно должно ориентироваться на свои основополагающие документы.

Но государство ведь не может проверять подобные вещи.

Подождите с государством. Богословие имеет обязательства по отношению к своим основополагающим документам, но — научным образом, то есть методически рефлексируя. Это значит, что я не могу просто нечто утверждать потому, что так написано в Библии, или потому, что Василий Великий так сказал. Я должен продемонстрировать — с помощью самых разных методов, которые можно применить, — как тот или иной библейский текст приобрел свою форму и как его можно толковать сегодня. Ведь что такое основополагающие документы веры? Для Католической церкви — это Священное Писание, или зафиксированное в Священном Писании Откровение Божие в Иисусе Христе, рассматриваемом как живое «Ты». А это уже можно интерпретировать.

В католическом богословии Предание связано с церковным Учительством, то есть со святыми отцами, соборами, соответствующими декретами, вероучительными документами римских пап и других епископов. Особую роль играет и внутренний дискурс богословов. Если, скажем, я беру святого Василия Великого,

то мне надо исследовать, как он обосновывал свое мнение, занимаясь интерпретацией Священного Писания, в какого рода диалоге он находился со святыми отцами своего времени, как были поняты его слова в ходе церковной истории, какие школы и как именно на него ссылались и проч. Иными словами, это — наука.

Разве в данном случае вы не приходите к тем же выводам, к которым пришли протестанты? Православные сказали ли бы, что историко-критический метод может завести очень далеко...

Историко-критический метод — один из научных методов, который надо сочетать с другими методами. Например, сейчас в среде молодых экзегетов опять ставится вопрос о каноническом методе, то есть о том, чтобы рассматривать Библию как единое целое, где все связано между собой. С другой стороны, я читаю источники веры аналитически, чтобы лучше их понять, и это можно назвать аналитическим методом. Но это только половина работы, потому что другая половина — это синтез. Нельзя же разобрать вещь и оставить все части лежать по отдельности — их нужно опять соединить в единое целое. И в этом — одна из задач богословия.

Православные сказали бы, что таким образом богословие подвергается тотальной рационализации.

Я хорошо понимаю, что имеют в виду православные коллеги. Но здесь происходит смешение разных вещей. Одно дело — разум, рациональность и наука, а другое — рационализация. Продолжительная дискуссия показала, что рациональность обязательно должна дополняться тем, что относится к области чувств. Макс Шелер отсылал к Паскалю, который говорил об *ordre du coeur*, то есть о «чине сердца», дополняющем «чин разума». Это как раз то, что я имел в виду, говоря о разных измерениях образования. Если я сведу образование только к технической рациональности, а потом еще и богословие выстрою по этой модели, тогда я разрушу и то и другое. Для меня вопрос ставится так: как возможна рациональность, которая затрагивала бы и эмоциональную сторону? И вот над этим, наверное, можно задуматься вместе с великой русской духовной традицией.

Обязываясь прибегать к источникам веры, не покидаете ли вы тем самым почву науки?

Обращение к источникам веры вовсе не является выходом из науки! Это отдельный научный процесс. Наверное, имеет смысл пояснить всю модель, как я ее вижу. Государство осознает многомерность образования, но само оно неспособно реализовывать его разные измерения. Для каждого измерения имеются свои собственные научные формы. В том, что касается богословия, образовательные рамки задаются как государством, так и церковью. Как создается учебный план на католическом богословском факультете? Во-первых, ориентация на источники веры подвергается методической рефлексии в диалоге с другими науками. После 1965 г. для католического богословия действуют в качестве предписаний решения Второго Ватиканского собора, на основе которых методы работы богословия были уточнены в апостольской конституции *Sapientia christiana* (1979) с конкретными рекомендациями в области богословского образования.

Это действительно для Католической церкви во всем мире?

Да, во всем мире. Второй шаг: епископские конференции в каждой отдельной стране — совместно с ватиканской Конгрегацией по вопросам католического образования — вырабатывают своего рода дополнительную конкретизацию для каждого отдельного языкового пространства. Это, в свою очередь, подтверждается обеими сторонами — государством и церковью — и получает статус закона. Так, например, в 1983 г. Германская епископская конференция конкретизировала католическое богословское образование для Германии, и соответствующие документы регулярно обновляются. В Германии действуют так называемые «Церковные требования для изучения католического богословия»[2], и последнее обновление этого документа, предпринятое в связи с Болонским процессом, произошло в 2006 году. В составлении «Церковных требований» участвовали богословы, а Германская епископская конференция, в свою очередь, предоставила этот документ на рассмотрение Конгрегации по вопросам образования в Риме. Поэтому тот, кто в Германии изучает католическое бо-

2. “Kirchlichen Anforderungen für das Studium der katholischen Theologie”.

гословие по этим принципам, будет признаваться католическим богословом во всем мире. При этом нужно постоянно убеждаться в том, что эти договоренности действительно работают.

Кто в этом должен убеждаться?

Все участники процесса. Опираясь на «Церковные требования», каждый католический факультет формирует свою собственную учебную программу для полного богословского образования[3]. При этом Германская епископская конференция желает, чтобы каждый факультет еще имел какие-то особенности, то есть чтобы было живое многообразие. Здесь мы имеем дело со сложнейшим и тончайшим механизмом достижения договоренностей, которые связывают каждое учебное заведение со Вселенской церковью.

Кто контролирует эти процессы?

Целый ряд учреждений. Кроме церковных инстанций, это государственные инстанции. Германия является участником Болонского процесса (как и Россия, и, кстати, Ватикан). Решения, принятые в рамках Болонского процесса, обязательны как для церквей, так и для государств. А поскольку вопросы, связанные с жизнью университетов, в Германии являются делом не центрального правительства, а отдельных федеральных земель, это приводит к тому, что высшие рекомендации в отношении университетов со стороны государства принимает Конференция министров культуры, решения которой называются «Общими указаниями для федеральных земель»[4]. Такие «Общие указания» действуют с 2007 г., но не затрагивают содержания учебного процесса: в них зафиксированы формальные юридические нормы для преподавания и обучения в университете.

«Общие указания» касаются в том числе и богословия, но при этом учитывают его особенности, которые также были определены в ходе переговорного процесса с участием представителей

3. «Полное богословское образование» — термин, означающий образование, дающее право на рукоположение в священный сан и подчеркивающий отличие от «неполного» богословского образования, то есть от степени бакалавра, магистра или от педагогического богословского образования. Все учащиеся по этим специальностям изучают — кроме богословия — второй предмет. Отсюда понятия «полное» и «неполное» богословское образование.

4. «Ländergemeinsame Eckpunkte».

Конференции министров культуры, католической епископской конференции, протестантских церквей, а также католических и протестантских профессоров богословия. То есть в особом случае, которым является богословие, обязателен процесс двойных переговоров, чтобы согласовать рамки, задающиеся церквами и государством.

В чем состоят особенности богословского образования?

Болонский процесс предполагает последовательное образование со степенями бакалавра и магистра. По разным причинам обе церкви[5] дали понять, что для них базисное богословское образование не может строиться в форме трехгодичного бакалавриата и двухгодичной магистратуры, но требует полного пятилетнего базисного обучения. Государственные инстанции учли это обстоятельство в «Общих указаниях» в качестве особенности богословского образования.

Договоренности между государством и церквами показывают, что нет никакого «университетского богословия» в противовес «церковному богословию». В то же время «богословие в университете» — не единственная возможность получения богословского образования. В Германии его можно получить и в церковных высших учебных заведениях, которые, однако, подлежат такому же двойному регулированию со стороны церквей и государства, потому что церковные школы заинтересованы в государственном признании.

То есть и здесь работает логика государственно-церковного договора...

Конечно! А также логика Болонского процесса. И это значит, что любое религиозное сообщество, которое стремится к государственному признанию своих высших учебных заведений, должно выполнить все требуемые условия. Но и государство, в свою очередь, вынуждено учитывать церковные особенности. Подобный процесс взаимных договоренностей начат теперь и с мусульманами, хотя это гораздо труднее, чем с церквами.

5. Католическая церковь и Евангелическая церковь Германии.

Что значит «выполнить условия»? С какого момента они считаются выполненными? Ведь выполнение или невыполнение — дело экспертизы самих богословов. И государство может сказать: «Естественно, богословы заинтересованы в том, чтобы написать себе положительное заключение».

Здесь вступает третий элемент, предусмотренный в «Общих указаниях», а также требуемый Конгрегацией образования в Риме: аккредитация специальности «богословие» и его эвалюация — проверка качества. Раньше, до Болонского процесса, подобная государственная проверка проводилась юстициаром — уполномоченным Министерства науки.

А он должен был разбираться в богословии?

Не должен, потому что государственная структура никогда не будет прибегать к аргументам, затрагивающим содержание предмета. Подобные вещи богословы должны выяснять сами. Государство оценивает лишь формальную сторону. Но и выяснение вопросов, касающихся содержания предмета, должно проходить по определенным правилам, которые утверждены государством. В этой ситуации церковный авторитет не может просто сказать: «Этот богослов нам не нравится, пусть он больше не преподает». Если церковный авторитет выносит отрицательное суждение, тогда он обязан его обосновать и продемонстрировать, что исключение происходит согласно принятым правилам. Необходимы экспертные заключения — не только со стороны церковного Учительства, но и от представителей богословской науки. В обязанности правящего епископа входит выдача документа о согласии церкви на то, чтобы данную вакансию занял конкретный профессор, а также проверка того, соответствуют ли взгляды этого профессора основам вероучения. Однако епископ должен обосновать свое мнение, заказав экспертные заключения. Иначе говоря, богословие как свободная наука обязательно участвует в процессе достижения соответствующих договоренностей. Решающий момент, который нам здесь важен, — это свобода науки! Вот, собственно, о чем идет речь.

Богословие как свободная, самоорганизующаяся наука... А в чем состоит свобода науки?

Она выражается в трех суверенных актах.

Первый — выбор профессоров. Комиссия по замещению вакантных профессур, состоящая из всех университетских сословий — профессоров, ассистентов, студентов, — выбирает из большого количества заявлений несколько кандидатов и составляет так называемый «список». Этот список рассматривает сначала совет факультета, а затем Сенат университета, включающий представителей всех дисциплин, который и принимает решение, после чего ректор или президент высылает кандидату приглашение занять вакансию. Это касается и профессоров богословия, хотя в данном случае ректор должен заручиться согласием епископа. Если кандидат ранее не был профессором, то епископ должен заказать экспертные богословские заключения, касающиеся кандидата, а также направить запрос в Конгрегацию по вопросам образования в Риме. Таким образом подтверждаются полномочия конкретного профессора католического богословия со стороны Вселенской церкви. Но выбирает этого профессора не церковь и не епископ, а сами ученые.

Второй суверенный акт академической самоорганизации состоит в присвоении научных степеней — при окончании учебы, в случае защиты докторской диссертации и в случае хабилитации. Этим также занимается само сообщество богословов, руководствующееся чисто научными критериями. Церковное участие в данном случае состоит не в вынесении суждения по поводу научной компетенции кандидата, а в допуске кандидата к рассмотрению его диссертационного исследования.

Третий суверенный акт — это оценка результатов научного исследования. Здесь есть напряжение между естественными и гуманитарными науками. В естественных науках считается, что самым важным является количество статей и цитирований. В гуманитарных науках, в том числе в богословии, этого недостаточно: мы настаиваем на *peer review*, то есть на позитивных оценках исследования со стороны признанных ученых.

Богословов упрекают в том, что предмет их исследований неверифицируем...

Так рассуждают ученые-естественники. Подобная дискуссия представляется мне старомодной — это же примитивный диалектиче-

ский материализм! Если рассуждать о реальности в критериях «что я могу измерить, взвесить, сфотографировать», то ведь половина человеческой жизни нефотографируема! Действительность многомерна, поэтому и образование должно быть многомерным. Все зависит от представления о том, что такое образование.

И, наверное, от представления о человеке...

Скажем так: «Ты», перед которым человек видит себя, связь человека с Богом — я не могу это измерить, взвесить, но я могу эмпирически показать, как люди верят в Бога, какие факторы для них в данном случае имеют значение. Здесь и начинаются богословские методы — герменевтические, в том числе историко-критический. То есть необходимо для разных измерений образования вырабатывать и развивать соответствующие формы науки. Почему государство позволяет себе дорогое удовольствие финансировать богословские факультеты? Чтобы удружить церкви? Нет! Государство не хочет и не должно оплачивать церковь. Финансируя богословские факультеты, оно не церковь оплачивает — оно оплачивает науку.

И при этом оно финансирует подготовку церковных кадров...

Но одновременно государство финансирует подготовку кадров для юридических служб, подготовку врачей для больниц. Каждая наука готовит обслугу. Священник — такой же человек, занимающийся делом, которое важно людям. Как и физик, например.

Значит, богословие обслуживает...

Науку! Могут спросить: каким образом богословие как наука имеет отношение к другим наукам? Я бы на это ответил: жизнь показывает, что технические науки не могут быть науками сами по себе. Например, потому, что результаты научных исследований иногда приводят к страшным последствиям. Эти последствия нужно обсуждать, но физик не в состоянии подвергнуть подобные последствия оценке — это можно делать только с точки зрения этики или нравственного богословия. Науки критикуют друг друга, и это необходимо для того, чтобы науки развивались ради блага человека.

Конечно, сегодня нужно проявить известную дерзость, чтобы сказать: «И поэтому им нужно богословие». Почему оно нужно? Все науки рассматривают человека как *humanum*, то есть смотрят на человека как на общепринятую величину, на которую они ориентируют свою деятельность. Это правильно, но этого недостаточно. Помимо абстрактного «человечества» предметом науки должен быть и каждый конкретный человек. В медицине спорили об этом после 1920 г., когда было осознано, что нужна антропологическая медицина, которая рассматривает человека не только как желчный пузырь, или почку, или мозг, а как конкретного человека, который страдает. А для этого нужно богословие, потому что уникальность каждого отдельного человека можно обосновать только в том случае, если мы принимаем тезис: Бог хочет, чтобы этот человек был.

Чтобы это работало, надо, чтобы этот тезис разделяли все...

Не нужно хотеть сразу всего. Для начала было бы хорошо, чтобы другие науки сказали: да, ни один человек не может быть принесен в жертву научным познаниям. Это — граница, за которую ни одна наука не должна переступать, ибо иначе она дегуманизируется. Решительным аргументом в пользу существования богословия как науки является его заступничество за конкретного человека как границу любых научных занятий.

Хорошо, это все-таки очень конкретная этическая польза богословия. Но какое значение имеет выяснение, исходит ли Святой Дух от Отца или от Отца и Сына? С какой стати государству платить за то, чтобы богословы — например, православные и католики — спорили о филиокве? Это довольно сложная материя...

Конечно, это сложная материя! И для богословия это вызов — объяснить, в чем смысл подобных споров. В данном случае от государства оно помощи не дождется, но и предоставить церкви отвечать на этот вопрос богословие тоже не может. Если говорить о Германии, то после Реформации у нас как минимум два конфессиональных богословия. Можно было бы ожидать, что тем самым

богословию пришел конец, но на самом деле это обеспечило прорыв к новым горизонтам.

Вы не видите в протестантской традиции конкуренцию для католического богословия?

Конкуренцию в хорошем смысле слова — да! Протестантская позиция — это *sola gratia*, «только благодать». Согласно католической позиции человек должен соработничать благодати. Это две позиции, ни одной из которых невозможно возразить, и потому — при всем сожалении о расколе — есть, видимо, основания для существования разных конфессиональных подходов. Возможно, филиокве — это такой же спор, который указывает на то, что в каждой позиции содержится что-то важное, что каждый говорит о том, о чем не говорит другой. Мы никогда и нигде не найдем человеческих отношений, в которых одна позиция полностью охватывала бы всё и вся. Чтобы учесть все стороны действительности, нам нужна артикуляция разных позиций. При этом я бы предпочел решать такого рода споры на научном уровне, а не на политическом и тем более не на церковно-политическом.

Возвращаясь к университетской политике: вы были председателем «Факультетэнтага». Что это такое?

Факультетэнтаг — это союз конкретных факультетов разных университетов. Существует примерно 15 подобных союзов: четыре инженерных, математико-естественнонаучный, два богословских — католический и протестантский, факультетэнтаги педагогов, медиков, ветеринаров и проч. Каждый факультет посылает представителей на встречи своего факультетэнтага. Оба богословских факультетэнтага включают в себя как факультеты государственных университетов, так и высшие церковные школы. У богословов, однако, есть еще и институты, малые учебные заведения, не образующие отдельного факультета, а входящие в философский факультет[6]. Институты кооперируются и посылают на факультетэнтаг общего представителя. Все межфакультетские союзы, в свою очередь, образуют Общий факультетэнтаг, состоящий из представителей всех

6. В состав философского факультета в Германии входит не только философия, но и история, филология, социология, педагогика, политология, спорт и др. дисциплины.

факультетэнтагов. Когда есть совместная работа, то к особенностям концепции богословских факультетов другие дисциплины относятся с пониманием, потому что и у других дисциплин есть свои особые потребности и интересы, конкурирующие с другими науками. Поэтому считать, что, уничтожив богословие, можно сэкономить деньги, — это совершеннейшая иллюзия.

Так ведь можно уничтожить и музыковедение, и филологию...

Так это же и происходит! И это еще один аргумент в пользу того, что в университете нужно богословие. Как раз на примере малых дисциплин это видно: во многих университетах происходят сокращения с целью экономии средств. Поскольку каждая федеральная земля Германии решает сама за себя, никто ни о чем не беспокоится: ведь малые дисциплины есть в университетах других федеральных земель... И вдруг выясняется, например, что у нас недостаток в специалистах по ориенталистике, нет людей, которые могли бы объяснить, что такое культура мусульманских стран. Хотя раньше мы были мастерами в понимании Востока. За ущерб, наносимый подобной политикой, мы, сэкономив пару миллионов, теперь платим миллиарды... Те, кто сегодня — на фоне всемирной миграции и беженского движения — говорят, что богословие нам не нужно, играют с огнем.

С другой стороны, это значит, что у богословия колоссальная ответственность. Нам нельзя всем попрятаться за письменными столами — нужно всеми силами сохранить диалог. Когда в Германии проходил Год гуманитарных наук[7], меня попросили высказаться на тему заслуг богословия по сравнению с другими гуманитарными науками. А я сказал: нет, будучи богословом, я считаю, что мое призвание — говорить о том, за что мы, представители гуманитарных наук, выступаем все вместе. Гуманитарная наука — искусство различения, которое состоит в способности критически мыслить.

Вы также являетесь председателем «Агентства по обеспечению качества и по аккредитации канонических специальностей в Германии» (AKAST). Что это такое?

7. 2007 год.

В Германии работают шесть или семь агентств по аккредитации, которые либо аккредитуют все специальности, либо только некоторые, как *AKAST*. Если вы зайдете на интернет-сайт *AKAST*[8], то увидите, как устроен каждый богословский факультет. Зачем нужно это агентство? Во всем мире за эвалюацию католического богословского образования отвечает агентство Святого Престола в Риме, но, поскольку в каждой стране своя правовая ситуация, нужны так называемые национальные артикуляции. В Германии существует особое государственно-церковное право. Как уже было сказано, государство создает условия для богословского образования, но привлекает к нему церкви. В этом смысле *AKAST* действует, имея на то заказ церкви и правовое государственное признание. То есть это государственно-церковное учреждение. В своей работе мы должны каждый раз убеждаться в том, что наши решения, с одной стороны, соответствуют государственным предписаниям, а, с другой стороны, не вступают в противоречие с церковными предписаниями. И мы делаем это, беря за основу вышеупомянутые документы: государственный — «Общие указания» и церковный — «Церковные требования».

А как обстоит дело у протестантов?

У них нет своих церковных агентств, потому что на них распространяется другое государственно-церковное право, и евангелические факультеты сотрудничают с разными агентствами. При этом у евангелических церквей есть право вето в вопросах, касающихся полного курса богословия, то есть церковные интересы там тоже учитываются.

Таким образом, присутствие богословия в университете не позволяет ему «вариться в собственном соку»...

Опасность изоляции грозит не только богословию, но любой науке! И здесь помогает академическое самоуправление, при котором профессора встречаются друг с другом в рамках университета, потому что они являются членами одних и тех же органов управления (например, Сенат состоит из деканов всех факультетов).

8. www.akast.info

Я бы здесь выделил две вещи: первая касается содержания, вторая — самого понятия образования. Вопрос не в том, «нужна ли нам религия», а в том, «что такое образование». Богословие присутствует там, где признается многомерность образования. И лишь затем речь идет об институциях, имеющих отношение к богословскому образованию. У нас их три — сама наука, государство и церковь, и они сотрудничают друг с другом. Но принципиально важным является то, что богословие — наука, наряду с другими науками, и что оно стремится внести свой вклад в универсальное образование человека. И для выполнения этой задачи богословская наука имеет полномочия как от церкви, так и от государства.

Беседовала Анна Брискина-Мюллер